

Роль государства в историческом развитии России. Материалы международной научной конференции будапештского Центра Русистики от 17–18 мая 2010 г. / Ред. Д. Свак. Будапешт: Russica Pannonicana, 2011. 348 с.

История русского государства – особая тема отечественной историографии. Роль и влияние этого политического института в нашей стране столь велики, что на разных этапах развития исторической науки нередко «история российской государственности» почти заменяла собой «историю России». Поэтому организация специальных конференций и издание сборников, посвящённых данной тематике, являются своеобразным историографическим трендом. Отдали дань этой проблеме и наши зарубежные коллеги. В мае 2010 г. Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша провел седьмую биеннальную международную конференцию «Роль государства в историческом развитии России». Особое значение мероприятию придавал тот факт, что она оказалась приуроченной к 15-летию основания Центра. В этой связи также было учреждено почётное звание «Socius Honoris Causa».

Сборник, изданный по материалам конференции, получился весьма насыщенным и разносторонним. Как отметил в предисловии его редактор доктор Дюла Свак, в ходе конференции было сделано «множество попыток понятийного, терминологического и историографического анализа проблемы», удалось, по его мнению, организовать «диалог со стремлением к взаимопониманию» (с. 8). В географическом плане сборник выглядит весьма пёстро: 14 статей написаны авторами из Венгрии, 10 – из России, 2 – из США и по одной из Великобритании, Китая, Аргентины, Туниса. В хронологическом отношении, несмотря на широкие рамки (с IX по XXI в.), единства больше, так как всего четыре статьи затрагивают проблемы истории России XX–XXI вв., а основное внимание авторов уделено более ранним периодам.

Ввиду большого количества статей в рецензируемом издании вряд ли можно и нужно подробно останавливаться на каждой из них. Тем более что ряд работ,

представленных в сборнике, не содержат принципиально новых выводов по сравнению с ранее опубликованными исследованиями этих авторов. Некоторые статьи имеют описательный характер и слабо аргументированы. К таковым относится, на мой взгляд, работа Д. Секели (Венгрия), где довольно обобщённо говорится о «монархических, церковных и военных факторах» в развитии системы городов в России в XVI–XVII вв. Статья Н. Каздагли (Тунис) «Государство и реформы при Петре Первом в работах русского историка С.М. Соловьёва» представляет собой краткий и неполный синопсис основных реформ Петра I, основанный на школьных и вузовских учебниках по истории России. Статья Хуан Лифу (Китай) основана преимущественно на данных официальной советской статистики и содержит субъективные характеристики России до Октябрьской революции как «экономически и культурно отсталой аграрной страны», а В. Путина как «любимого национального вождя России», «понимающего русский народ» (с. 295, 303). Некоторые сообщения довольно далеко ушли от заявленной общей проблемы конференции. К таковым относятся работа Ш. Геби (Венгрия) об отношении Петра I к Европе и учению, интересная статья Б. Фарли (США) по проблеме охраны исторических памятников в СССР в период правления Н.С. Хрущёва.

На некоторые очевидные слабости подготовленного издания обратил внимание и сам редактор – описательность ряда докладов, огрехи формального и смыслового содержания, вызванные тем, что не все доклады были вовремя получены в письменной форме. Хочется добавить, что подобный интернациональный сборник, к сожалению, не содержит статей компаративистского характера. Разнородность тематики сообщений рождает потребность обобщения в виде концептуального введения или заключения к книге, которое также отсутствует.

Пожалуй, центральное место в сборнике заняла дискуссия по вопросу о наполнении понятия «государство»: терминологическом, конкретно-историческом, функциональном. Наиболее единодушно авторы обращают внимание на необходимость «поставить вопрос радикально – мы не знаем, чем было для них (современников. – И.У.) “государство”, и это надо выяснять» (с. 16). Для решения этой проблемы в статье «Московское государство в жизненном мире современников и исследователей» А.Л. Юрганов (Россия) пользуется методологическим аппаратом феноменологии, стремясь раскрыть содержание понятия в соответствии с ментальными структурами эпохи. Автор констатирует, что для современника конца XV в. «первичен “государь”, и только потом “возникает” государство» (с. 17). Вокруг государя, наследственного монарха, строится система «дома домов»: сам он владеет всей Русской землей и «лично отвечает перед Богом за каждого из “подвластных” ему» (с. 19). Вокруг «главного» дома постепенно разрастаются «второстепенные» дома, в которых «любой подсудный великому князю государь тоже имеет власть над своими холопами и “домом”, и тоже отвечает перед Богом за свой дом, и за своих “подвластных”». Основой устойчивого существования такой системы является, по мнению Юрганова, сохранение династии, «потому что “холоп государев” не может быть “государем холопов”» (с. 19). Именно династическая проблема и стала причиной краха системы «дома домов» в эпоху Смуты. Роль династии в средневековом русском государстве привлекает и других авторов сборника. Так, Т. Ботор (Венгрия), изучая организацию третней системы владения и управления Москвой в XIV–XV вв. на основе духовных грамот московских князей, пришла к выводу, что последняя вплоть до середины XV в. сохранялась как форма совместного управления членами великокняжеской семьи «административными, судебными, экономическими делами Москвы и относящихся к ней территорий» (с. 46).

С. Богатырёв (Великобритания) рассматривает существование династии как важный фактор развития Российского

государства уже на материалах XVI в. Отмечая существующую в историографии полемику относительно выявления универсальных признаков государства и их принципиальной неприменимости к средневековому типу государственности, автор предлагает использовать термин «династическое государство». Его отличительной особенностью является не нацеленность на абстрактные «социальные или юридические цели..., а обеспечение интересов династии, которая понималась как расширенная семья правителя, включая его предков и потомков» (с. 69). Для обозначения системы интересов такого правителя Богатырёв предлагает использовать термин «династицизм». Династицизм характеризуется автором целым рядом политических и социокультурных практик, обеспечивающих его устойчивость: «механизм наследования престола; перераспределение власти между правящей семьёй и боковыми ветвями династии; ...династическая мифология» (с. 71). Все эти признаки отличают династическое государство от государств нового времени с их сложившейся системой юридических учреждений, но не делают его менее сложным или устойчивым.

И система «дома домов», и «династицизм» оказались в ситуации глубочайшего кризиса в эпоху Смуты, когда в 1611–1612 гг. возникла уникальная ситуация одновременного существования разнообразных «моделей власти». Панорамная политическая картина России в 1612 г. дана в статье В.Н. Козлякова (Россия). Автор насчитывает пять политических центров, каждый из которых оказал своё влияние на ход общерусских дел, помимо собственно столичной Москвы, где в это время пребывал польско-литовский гарнизон. Подмосковные полки I Ополчения, как указывает Козляков, продолжали существовать как центр власти и после убийства П. Ляпунова: Ополчение имело земскую печать, а его воеводы продолжали действовать в Калуге, Туле, Переяславе Рязанском и других городах. В первые месяцы становления II Ополчения современники также не противопоставляли задачи двух формирований, и в 1611–1612 гг. активно шёл «процесс “слияния” ополчений на уровне админис-

трации... и приказного аппарата» (с. 135). Ещё одним политическим центром страны стал павший в 1611 г. Смоленск, поскольку «кандидатура королевича Владислава продолжала оставаться вполне реальной», что позволяло польским властям в Смоленске активно вмешиваться в русские дела. Важную роль в них играл и Великий Новгород, оккупированный шведами. Козляков обращает внимание, что здесь находился старейший в иерархии Новгородский владыка Исидор, что позволяло ему обращаться к Ополчениям, боярам и дворянам страны. Автор отмечает, что непростую позицию занимала в эти годы Казань. Здесь, как и в Новгороде, был один из наиболее авторитетных русских иерархов – митрополит Ефрем, третий по значению после патриарха в лестнице. Кроме того, местная администрация также стремилась к автономии: «по меньшей мере с лета 1611 г. в Казани перестали подчиняться кому бы то ни было, и власть там полностью перешла в руки дьяка Никанора Шульгина, единолично управлявшего Казанским уездом» (с. 137). Наконец, весной–летом 1612 г. ещё одним политическим центром стал Ярославль, где остановилось II Ополчение.

С не меньшим интересом исследуются границы понятия «государство» и в работах, посвящённых другим хронологическим периодам. Так, Ю.С. Пивоваров (Россия) обращает внимание на тот факт, что не только само понятие, но и методология, «с помощью которой можно адекватно описывать, изучать, анализировать феномен русского государства» (с. 203) на данный момент отсутствует. Методологическая ошибка, по мнению исследователя, кроется уже в том, что «в современной науке под псевдонимом “государство” скрываются различные, по своей природе очень далёкие друг от друга типы власти». Но универсальная терминология, существующая в науке, препятствует глубокому осмыслению России, где «человек, общество, власть развивались иначе», чем на Западе. Рассуждая «об исторической специфике русской власти», автор называет ряд черт, которые не позволили России к 1917 г. сложиться как государству в западноевропейском смысле слова (state). Среди них патримониальный характер

власти, идея симфонии государства и церкви, в которой даже символически не были разделены сферы компетенции, и, наконец, тяглый характер русского социума. Всё вместе это способствовало тому, что созданная «на обломках Святой Руси петербургская империя... была сущностно враждебна идее конституционализма, ... оказалась неизбежно деспотической» (с. 211–212). Но парадокс, как отмечает автор, заключался в том, что именно она была и носителем силы «просвещенчески-реформистской», хотя и в столь же насильственных формах. Любые конституции и законы верховной власти в России были «узковаты», а выходом из такого положения становились разнообразные виды «неинституциональной системы управления», чрезвычайные комиссии. Именно в этом исследователь увидел подрыв конституционализма и главное отличие российских реформ и власти от западноевропейских.

Продолжает дедукцию понятия «государство» К. Ингерфлом (Аргентина). Автор обращает внимание на тот факт, что в 1830–1840 гг. в европейской науке сложилась «телеологическая конструкция государства». Понимая настоящее – укрепление либерального государства – как апогей истории, исследователи «вычленили из первоначальных структур прошлого многочисленные факторы и... выстроили их в ряд, расценивая как предпосылки Государства» (с. 214). В России эта парадигма, основанная на идеях европоцентризма, эволюционизма и телеологизма, была воспринята «государственной школой» историографии. Анализируя концепции С.М. Соловьёва, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, автор отмечает, что они интерпретировали историю России «через историю построения Государства..., думали, что Россия следовала за Западом, хотя и с опозданием, ...исключалась даже возможность предполагать инаковость» (с. 217). Таким образом, если в предыдущих статьях авторы стремились к реконструкции понятия «государство», наиболее аутентичного тому, которого придерживались современники, то Ингерфлом, инвертируя эту посылку, обратил внимание на разрыв между реальностью и научной парадигмой в XIX в., когда в «тяжбе между конкретным

знанием историка и предпосылками его исследования» (с. 220) последние взяли верх. Например, Б.Н. Чичерин «думает о ситуации под углом зрения “недостатков” Государства, которое когда-нибудь станет “развитым”» (с. 221), и даже в 1878 г. ещё не считает Россию Государством (в европейском смысле слова). Корень проблемы Ингерфлом видит в отклонении от источников, что стало большой проблемой исторического познания. Завершая статью, автор декларирует, что «сегодня одна из самых увлекательных задач историка, – это восстановление историчности речи с целью определить, когда и как древние слова преобразуются в понятия, в которые вписываются отдельные исторические структуры» (с. 225). И, пожалуй, с этим выводом трудно не согласиться.

Идеи Ингерфлома находят интересную иллюстрацию в статье М.П. Мохначёвой (Россия). В ней раскрыт процесс становления юридической журнальной периодики в России в XIX в., показано, как она постепенно становилась источником информации по проблемам истории базовых понятий: государство, правовая система, «национально-государственные практики реализации правовой активности и инициатив граждан» (с. 239). Эти свойства позволяют современным исследователям использовать данный источник в качестве маркера личностно-правового измерения государственности в России XIX в., а, следовательно, в перспективе реконструировать комплекс государственных представлений читательской аудитории.

Рецензируемый сборник оказался богат методологическими инверсиями. Ещё одну попытку переосмыслить понятие «государство» предприняла в своей статье И.И. Глебова (Россия), задавшись целью «говорить о современности “старыми” словами» (с. 314). Основной сюжетный ход статьи заключается в том, чтобы примерить концепцию «дворцового государства» В.О. Ключевского к ситуации в современной России. В качестве исходных тезисов исследовательница рассматривает две идеи: 1) «дворцовое государство» есть «результат раскрепощения (эмансипации) “элит” от деспотизма верховной власти, ...обособления от остального населения в

привилегированное сословие, ...подчинения государственной идеи узкокорыстным сословным интересам»; 2) «дворцовое государство» есть отклонение от правильной тенденции государственного развития (с. 316–317). Глебова считает, что в ходе системных преобразований 1990-х гг. в России снова возник феномен «Дворца», «государства-корпорации», выступающего как особое сословие. Признаками этой довольно пёстрой социальной группы (чиновничество, бизнес-элита, культурная элита и т.д.) являются: отрыв от основной массы населения страны, тесная спайка на основе общности экономических, политических, «династических» связей, «владельческое мировоззрение». Автор отмечает «неправильность» этой ситуации и констатирует необходимость последовательной трансформации «Дворца» в развитое социальное государство, поскольку в настоящих условиях в этом статусе современной России приходится отказываться.

Наряду с работами обобщающего характера в сборнике представлены и статьи, посвящённые внимательной разработке более частных сюжетов, составляющие «плоть и кровь» исторического исследования. Дискуссионному и по-прежнему актуальному вопросу истории русского государственного аппарата – знаменитой «московской волоките» в приказах начала XVII в. – посвящена статья Д.В. Лисейцева (Россия). В характерной для него манере скрупулёзно внимания к источникам и деталям автор последовательно доказывает, что классическое обвинение приказной системы в запутанности и медлительности требует пересмотра. Анализируя десятки конкретных примеров работы Казённого приказа в 1610-е гг., относящихся к одной из наиболее болезненных тем в истории России – выдаче жалования, автор выясняет «какова была реальная скорость решения дел в московских приказах» (с. 126). Лисейцев упорно ищет «волокиту» на каждом этапе дела – от подачи челобитной до реализации принятого решения. Однако вывод исследователя оптимистичен: во всех изученных случаях, независимо от социального статуса челобитчика (дворцовый служащий, безвестный «полоняник» или дворянин), с момента подачи челобитной до выдачи

жалования проходило не более недели (в самых затяжных случаях).

А.П. Павлов (Россия) в своей статье обращается к ставшей уже традиционной теме изучения социального облика «приказной бюрократии» в России. Исследуя профессиональные биографии десятков московских дьяков первой половины XVII в., автор пришёл к выводу о том, что после Смутного времени «наблюдается известное падение влияния в государственном управлении и при дворе думных дьяков» (с. 144). Среди наиболее ярких показателей этого процесса Павлов называет сокращение численности этой группы, появление практики назначения двух думных дьяков в Разрядный приказ, «решительное обновление общего состава дьяческих кадров», а также «заметное усиление участия в руководстве приказами придворной знати» (с. 147). В итоге, не сумев интегрироваться с московским дворянством в силу своей худородности, дьячество было оттеснено на второй план в государственном управлении в середине – второй половине XVII в.

Вопросы истории формирования местных профессионально-бюрократических сообществ в России конца XVII – первой трети XVIII в. на примере приказных групп Тюмени и Хлынова раскрыты в статье Д.А. Редина (Россия). Автор доказывает, что в рассматриваемый период на основе единства занятий, формирования семейных кланов, последовательного осознания своего места и роли в системе государственного управления постепенно складывались «местные бюрократические сообщества как относительно закрытые самовоспроизводящиеся системы». При этом к концу первой трети XVIII в. эти процессы ещё не были завершены, однако, подчёркивает Редина, можно говорить об «определённой континуальности социокультурных процессов развития бюрократии» на рубеже двух веков (с. 199).

Религиозный фактор всегда играл в истории России важную роль. Церковь выступала в качестве влиятельного социально-политического института, если не наравне с государством, то в теснейшей с ним связи, поэтому церковная тематика также представлена в рецензируемом издании. В статье А.В. Каравашкина (Россия)

рассматривается формирование «особого института княжеской святости», который автор относит «к одной из универсалий древнерусской культуры» (с. 88). В статье А. Криз (Венгрия) на основе внимательного исследования сказаний о «летающих» иконах Богоматери сделан вывод о том, что «отзвуки» теории «Москва – третий Рим» в них «имеют многослойную семантику, которая намного старше, чем сама историософская теория Филофея» (с. 104). «Сказание о чудесах иконы Римляныни» автор текстологически рассматривает как один из источников посланий филофеевского цикла, а, следовательно, и выросшего на его основе идеологического концепта. В статье С. Филиппова (Венгрия) внимание сосредоточено на анализе церковно-политических взглядов патриарха Никона. Основной методологический посыл автора состоит в том, что идеи опального патриарха претерпели серьёзную эволюцию после 1658 г., и их необходимо рассматривать в развитии. Оказавшись внутри конфликта, Никон всё больше склонялся к идеям «папоцезаризма», чуждым отечественной традиции «симфонии» и даже не имевшим в ней никаких предпосылок. В статье А. Клеймола (США) раскрыта сложная система трёхсторонних взаимоотношений между центральной властью, элитой «фронтирного» города на юге России и Воронежским Покровским женским монастырем, игравшим в этих отношениях важную роль.

Наконец, много внимания в сборнике уделено и истории России XIX в., прежде всего проблеме реформ. Основная идея статьи Э. Боднар (Венгрия) сводится к тому, что на протяжении всего своего царствования Александр I «серьёзно надеялся..., что ему удастся преобразовать Россию в конституционную монархию» (с. 251). Однако главным препятствием на этом пути оказалось сопротивление со стороны элиты. В статье В.Л. Степанова (Россия) детально анализируются причины относительной неудачи экономических реформ 1860-х гг., проведённых по западному образцу, когда «правительство частично отступило от вековых этактистских традиций» (с. 255). «Либерализация» затронула самые разные сферы экономики – акционерную и кредитную сферы, та-

моженную и налоговую политику, внешнюю торговлю. Однако очень скоро новые экономические процессы стали сопровождаться негативными явлениями – «спекулятивным грюндерством, коррупцией и массовым расхищением казённых субсидий» (с. 250). Наиболее ярко кризисные явления проявились в железнодорожной сфере. Напуганное непредсказуемостью рыночной стихии российское правительство уже в начале 1870-х гг. приступило к свёртыванию некоторых экономических реформ. По мнению Степанова, причиной неудачи стало отсутствие должного контроля и правовой базы, которые так и не были созданы правительством при проведении реформ. Весьма интересна

и статья И. Цёвека (Венгрия), в которой предпринята попытка раскрыть мотивацию российского правительства при принятии решений о народах Балкан: влияние общественности, имперские представления, стратегические расчеты и, наконец, личные предпочтения правящих лиц.

Подводя итог сказанному можно смело утверждать, что рецензируемый сборник содержит материалы весьма интересные не только с точки зрения вопросов, поставленных в отдельных статьях, но и как пример межнационального диалога историков, каждый из которых демонстрирует своё видение затронутой проблемы.

И.А. Устинова